

Евгений Капачевский

Новая Жизнь

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Евгений Капачевский

Новая Жизнь

<https://litres.ru/74601828>

SelfPub; 2026

Аннотация

Секундная заминка на ночной, залитой ливнем трассе под Минском оборачивается для Анатолия страшной катастрофой. Его внедорожник смят, а сердце пятнадцатилетнего сына Миши останавливается прямо на медицинской каталке под «утюгами» дефибриллятора. Пока врачи реанимации ведут отчаянный бой за жизнь мальчика, Анатолий просыпается на том свете перед кованными воротами царства небесного. Невидимые силы протягивают ему светящийся бланк для подписания. Условия контракта просты: жизнь сына в обмен на собственную душу. Анатолий ставит подпись, не зная, что, вернувшись в реальный мир, он окажется один на один с самым пугающим пороком, а его дом посетит древнее зло...

Мистический пролог к грядущему роману. Основано на реальном психологическом преодолении.

Содержание

Глава 1	4
Глава 1	13

Евгений Капачевский

Новая Жизнь

Глава 1

Тропический ливень

Было темно, шел сильный ливень, прямо как в тропиках, и на дороге с трудом удавалось что-нибудь разглядеть. За рулем внедорожника Тойота сидел голубоглазый мужчина с удлиненными черными волосами, густой бородой и длинным прямым носом с горбинкой, как у настоящего римлянина времен республики. Со стороны правого глаза, проходящего через него, был шрам, напоминавший его обладателю о бурной молодости, о времени, когда казалось, что всё еще впереди. Его внимание было приковано к дороге, и он понимал, что не может отвлекаться в такую сложную погоду на что-нибудь другое, так как отвечал не только за свою жизнь, но и за жизнь своего спутника, который сидел рядом с ним на переднем сиденье. Спутником был парень 15 лет, с короткой стрижкой в стиле американского солдата, с оставленными черными короткими волосами вверху головы, а остальная часть была выбрита под полный ноль, как лужайка Вестминстерского дворца. Глаза спутника были светло-голубого цвета, и взгляд этих глаз напоминал взгляд аляскинского ма-

ламута или хаски, которых индейцы Аляски на протяжении многих веков делали своими верными слугами и спутниками в сложнейших условиях северной жизни.

При первом знакомстве с этим взглядом читалась непоколебимая воля и никакого сострадания к ближнему. Но в сердцах, это был горячо любящий подросток своих родителей и сестры. Нос был аккуратной кнопкой, как кнопка выключателя, который передался парню от его красивой матери. Ярко выраженный подбородок говорил о том, что этот обладатель имеет трудный и в то же время волевой характер. Грудные мышцы и плечи указывали на крепкую дружбу с брусьями, турником и штангой, как минимум в килограмм девяносто, точно не меньше. На всем его высоком теле не было и упоминания о лишни граммах жира, который перерабатывался его организмом как энергетически ценный источник, и который нельзя было оставлять на потом, иначе погибь, и звали обладателя этого совершенного тела Михаил.

Мужчина лет сорока вел автомобиль и лишь изредка спрашивал у парня, который сейчас читал. Михаил практически всю дорогу проводил в своем телефоне, читая новости и переписываясь со своей подругой. Но внезапно зазвенел телефон, и отец потянулся за ним, так как не ответить было нельзя. Его рука в районе коробки передач пыталась найти телефон, но попытки были тщетны. И лишь на несколько секунд оторвав свой взгляд от дороги, и вдруг рядом с машиной раздался сигнал автомобиля, в глаза ударил яркий свет мощных

фар и визг тормозящих шин о мокрый асфальт. Он инстинктивно нажал на педаль тормоза, в это же мгновение изо всех сил ручник был затянут вверх, а рулевое колесо было вывернуто вправо — именно так его учили делать в подобных ситуациях. Автомобиль в это мгновение развернуло, но доли секунды были потеряны, и Тойоту начало складывать как веер японской гейши. Подушки безопасности, повинаясь алгоритму азиатских конструкторов, сработали беспрекословно, они выстрелили оттуда в ту же секунду, когда кинетическая энергия начала проходить по автомобилю. Лишь мгновение спустя, на дороге снова была тишина. Звук моторов затих, только в грузовике ЗИЛ-130 осталась гореть передняя противотуманка. И две машины остались стоять на дороге как часовые гвардейцы, которым нельзя сделать шаг ни в лево, в право.

Контракт

В положении лежа открыв глаза, он увидел перед собой светлый спокойный свет, который не вызывал никакого беспокойства, и лишь наоборот, действовал успокаивающе. Выйдя из минутного оцепенения, он начал пытаться понять, что же с ним произошло. Подняв правую руку и осмотрев её, тоже самое Толя повторил с левой рукой. — Вроде как чувствую их, так а двигаться я могу? — осторожно встав и осмотрев себя с ног и выше, он понял, что с ним всё в порядке, и как ни странно это было, но чувствовал он себя очень хорошо. Начав рассматривать окружающую его обстановку,

наш герой увидел большую залу, вдоль которой стояли в два ряда мраморные колонны в виде атлантов, поддерживающих тяжёлый потолок этой комнаты, в которой он сейчас находился. Под его босыми ногами была керамическая плитка, выложенная с особой тщательностью и профессионализмом, словно это было сделано не рукой человека, а богами. Стены были украшены большими панно с рисунками библейских сюжетов, о которых он знал не понаслышке. Особенно его внимание приковала работа на правой от него стене. Это был сюжет, изображающий пастуха Давида. Он держал в своей руке голову могучего воина Голиафа, которого обходили все стороной. Ведь Голиаф обладал неимоверной силой и ростом, но простой пастух, имея в своём арсенале лишь палку и камни, одолел великана. Выпустив из своей пращи камень прямо в лоб могучего воина, Голиаф упал ничком на землю, а Давид отсёк ему голову его собственным мечом. И внизу панно была надпись, которую Давид перед сражением сказал Голиафу: «Ты идёшь против меня с мечом, копьём и щитом, а я иду против тебя во имя Господа Саваофа». Он смотрел на этот шедевр несколько минут, восхищаясь смелостью и решимостью библейского героя. Толя уважал силу и храбрость, поклоняясь в сердцах отчаянности и бесшабашности. Он презирал трусость, нерешительность и подхалимство. Одной фразой, он был настоящим мужчиной, которого мало что пугало в земной жизни, и вернее в том мире, из которого он попал сюда, в обитель чистоты, правды и

справедливости, где нет фальши и лжи.

Придя в себя от увиденного, Толя начал рассуждать: — Странно, где это я? А где мой Миша, где мой разорванный в ключья «Фортунер»? Где дорога, и где этот проклятый грузовик? Ничего не понимаю.

— Здравствуйте, Анатолий! Как вы себя чувствуете? — раздался незнакомый голос. — Вижу по вашим глазам, у вас есть вопросы. — Кто это? Я вас не вижу, вы где?

Рядом с Толей появился мужчина в свободно сшитой майке и штанах бирюзового цвета, с длинными чёрными волосами и бородой. Этот человек, а вернее ангел в человеческом облики, был самым настоящим воплощением здоровья и непорочности. В его взгляде не было и намека на какой-либо порок или подлость — всё говорило о безграничности его существа.

— Я здесь, чтобы спросить, как у вас дела? — А-а-а, фух... Я думал, вы привидение. Как вы появились из пустоты?

— Спокойно, Анатолий, я вам сейчас всё объясню. Вы попали в аварию на машине вместе со своим сыном. Скажем мягко, столкновение было не из лёгких. Ваша душа покинула тело, и теперь вы здесь, с нами. Какую работу вы бы хотели выполнять у нас? Чем бы хотели заниматься? — Вот это да-а-а! А где мой сын? — С ним работают наши специалисты. Они делают всё возможное, чтобы он был с нами. — Стойте... Если я правильно понимаю, они пытаются забрать

его сюда? От врачей?! — Да, всё верно.

И в это время внизу, а если быть точным, на третьем этаже клинической больницы Минска бригада врачей везла на каталке Михаила в реанимацию. Он лежал без сознания, весь в крови и не подавал признаков жизни. Внезапно один из врачей — это была женщина невысокого роста, с короткой стрижкой, с ярко выраженными изумрудного цвета большими зелеными глазами, резко сказала: — Стойте, мы его теряем! Быстро снимаем его на пол, делаем массаж. Живее! Врачи как отлаженный механизм швейцарских часов в несколько секунд сняли пострадавшего на пол. В этот же миг в коридоре больницы замигали лампы дневного света, и по ногам медиков пронёсся ледяной, мистический сквозняк, от которого у всех пробежали мурашки. Словно невидимые «специалисты» того мира уже пришли за невинной душой парня и вступили в бой с медициной. С одной стороны Миши бросилась на колени врач-женщина. Разместив ноги над нижней частью тела парня и перекрестив пальцы на середине его груди, она начала делать сильные компрессионные нажатия — около 30 компрессий. В это же мгновение другой врач расположился у головы пострадавшего и делал два выдоха в рот Михаила после каждых тридцати нажатий на грудную клетку. Они знали, что частота компрессий должна составлять около ста двадцати нажатий в минуту. Рёбра пациента издавали характерный хруст, словно ломалась скорлупа арахиса, но на это никто не обращал никакого внимания. Прекрасное

личико реаниматолога было сконцентрировано на спасении юной жизни и уже успело покрыться каплями холодного пота, а внутри себя она упрямо молила парня не сдаваться. Тяжело вздыхая в такт нажатиям, сквозь зубы, она шептала: — Даже не думай умирать, мальчик! Слышишь меня?! Человеческая жизнь — слишком высокая цена, так считала, по крайней мере, крохотная женщина с характером настоящего воина Спарты, защищающего свою землю от персов в Фермопильском ущелье. Непрямой массаж сердца продолжался около сорока минут, а лампы в коридоре всё так же продолжали вести свое световое шоу, за окнами раздавались оглушительные раскаты грома, ветер выл с такой силой, словно цепной пёс сорвался с цепи, и дул с такой силой, что деревья возле больницы с большим трудом держались на своих местах. Косой ливень своей частотой закрывал весь обзор за окном, лишь изредка проблески молний освещали улицу за окном. Но борьба за жизнь продолжалась, и по врачебным стандартам считалось: если пациента не удастся спасти за это время, шансов больше нет. Но Оксана Владимировна работала не по стандартам. Она знала, что шанс на спасение есть даже после часа безуспешного массажа. Мише повезло, что ему попался именно такой врач — один из немногих фанатиков своего дела. Руки в предплечьях немели, словно она выполняла тяжелый подход с гантелями в спортивном зале, — статическую нагрузку никто не отменял. Но эта женщина была полна решимости и жизненной энергии, чтобы спасти

мальчика.

А наверху, там, где были их души, все восхищались её упорством и преданностью своему делу. После дополнительных шестидесяти пяти минут непрерывной борьбы кожные покровы Миши начали розоветь. Это говорило о том, что насос снова заработал: появились снова дыхание и пульс. Врачи знали как действовать дальше. И только счастливое стечение обстоятельств спасло Мише жизнь. А наверху в мире порядка и справедливости происходило следующее. Толя понимал, что нужно действовать. Инстинкт игрока подсказывал ему, что можно попробовать спасти хотя бы сына. Ситуация кричала: «Проси, проси о спасении сына!» — чтобы он жил настоящей жизнью, как умел делать это раньше. Комок тяжести подступил к горлу, на мгновение в груди перекрыло дыхание. Глаза начали наполняться слезами — слезами любящего отца, который цепляется за последнюю надежду ради спасения родного ребёнка. Все силы резко ушли, стало так тяжело стоять, словно на плечи положили двухсоткилограммовую штангу. Не выдержав перенапряжения, Толя рухнул на колени и зарыдал, как маленький мальчик, который внезапно потерялся на чужой улице возле незнакомого дома, и в отчаянии рыдая зовет свою мамочку, чтобы та поскорее пришла за ним и забрала домой. — Пожалуйста, не надо его оставлять здесь! Не боритесь с врачами, верните его в тело! Я всё сделаю для Вас, что скажете. Пускай мальчик возвращается к матери и сестрёнке, они там одни остались. Заби-

райте меня! Я всё равно этот мир особо не ценю. Играю на деньги, не ценю, что у меня такая прекрасная семья. Иллюзорно отношусь к своей прекрасной жене, вечно всем недоволен, ругаюсь на детей по поводу и без, засматриваюсь на других женщин... Да что говорить, Вы и так обо мне, мудаке, всё знаете. — Да, это верно, Анатолий, мы о Вас всё знаем. У меня есть для Вас одно предложение. Раздалась музыка — припев из песни Metallica — The Unforgiven. В руках Мужчины в бирюзовом костюме появился мобильный телефон. На звонок которого он сразу же ответил: — Да, я слушаю. Последовало молчание на несколько секунд.

Глава 1

Продолжение.

— Я понял, он почти наш. Ничего не предпринимайте, я Вам сейчас перезвоню.

Мужчина убрал телефон и повернулся к Толе:

— Так о чём это я? Ах да. Так вот, Анатолий, у меня для Вас есть одно предложение: мы вернем Вашего сына к матери. И Вас возможно тоже. Но вы должны подписать Кон-тракт, который обязуетесь выполнять на протяжении всей жизни. Сколько именно вы проживёте — я Вам не скажу. Но Ваша миссия там будет нелёгкой, уж Вы мне можете по-верить.

— Всё что угодно подпишу, только оставьте сына с се-мьей!

— Но я Вас предупреждаю: подобные договорённости не расторгаются, и Вам будет нелегко исполнить контракт.

— Я на всё согласен! Только спасите Мишу! — Толя встал с колен и вытер слезы.

Ангел поднес чистый лист бумаги и белую полированную ручку, выполненную из кости мамонта и протянул их Толе:

— Подписывайте.

— Так здесь же пусто?

Пристальный взгляд длинноволосого служителя прямо в глаза нашего героя дал ясно понять: лишние вопросы здесь

излишни.

— Я всё понял, а куда можно положить листок, чтобы подпись была аккуратной?

— Лист в воздухе будет таким же твёрдым, как на столе, подписывайте.

Дрожащей рукой Толя вывел несколько изящных росчерков на белой бумаге. В тот же миг ручка в его пальцах растворилась вместе с документом.

Ангел приложил свой телефон к уху и произнёс всего лишь одно слово:

— Оставляйте.

Услышав это, наш герой понял: сын спасён!

Параллельно с этими событиями в земном мире разворачивалась жестокая борьба. Изувеченного Мишу на каталке на полной скорости ввезли в реанимационную палату №12. Врачи и медсёстры мгновенно начали подключать мальчика к аппаратам жизнеобеспечения. Но не прошло и нескольких минут, как кардиомонитор вместо нормальных зубцов выдал хаотичную, ломаную кривую — фибрилляцию желудочков. А затем аппарат и вовсе сорвался на бесконечный, пронзительный писк, сигнализируя об остановке кровообращения. Раунд №2 за спасение человеческой жизни начался. Врачи прекрасно понимали: если упустить парня сейчас, другого шанса не будет.

— Анастасия, пациент без сознания, пульса на сонной артерии нет! — скомандовала она. — Вызывайте Виктора Сер-

геевича на помощь, готовьте дефибриллятор. Реанимируем!

И вновь, пока готовилась аппаратура, реаниматолог начал протокол: тридцать компрессий грудной клетки, два вдоха. В этот самый момент в палату влетел Виктор Сергеевич. Он с ходу включился в процесс, делая то, что получалось у него лучше всего в жизни. Ведь для него врач — это не просто профессия, это истинное призвание.

— Оксана, продолжайте компрессии! — на ходу бросил он, обрабатывая руки.

Приняв управление процессом, Сергеевич быстро смазал грудь пациента токопроводящим гелем. Подхватив тяжёлые утюги электродов дефибриллятора, он плотно прижал один из них под правую ключицу, а второй — чуть ниже левого соска, ближе к боковой стороне рёбер. Выставив на приборе базовую энергию для первой попытки, он громко произнёс:

— Стоп компрессия! Анализ ритма.

Взгляд на экран. Ритм дефибриллируемый — фибрилляция продолжается.

— Все отошли от кровати! Заряд двести джоулей. Разряд!

Тело мальчика кротно вытянулось от пропустившего электрический ток импульса. Ток прошёл грудную клетку, пытаясь перезагрузить и деполяризовать замершие кардиомиоциты.

— Ритм не восстановился. Продолжить компрессии! Оксана, обеспечьте проходимость дыхательных путей, ставьте воздуховод.

Но вопреки всем усилиям кардиомонитор продолжал издавать протяжный, сводящий с ума писк. Время было на исходе.

— Ритм по-прежнему дефибриллируемый! Продолжаем СЛР! Кислород на максимум.

Снова гель на грудь, снова тяжёлые утюги электродов ложатся на кожу.

— Раз, два, три — разряд!

И снова мощный импульс прошёл сквозь тело мальчика. Но на мониторе без изменений. Результата нет.

— Продолжить синхронную реанимацию!

Оксана Владимировна ловко ввела в ротоглотку пациента пластиковый новый воздуховод, чтобы корень языка не западал, и плотно прижала к лицу маску мешка Амбу, подключённого к линии чистового кислорода.

— Владимировна, сколько идет реанимация? — тяжело дыша, спросил Виктор Сергеевич, не прекращая массаж сердца.

— Примерно четыре минуты, доктор. Два полных цикла. Компрессии продолжались. Борьба за жизнь шла без секундных заминок. Скорость, глубина нажатий — медики выкладывались на пределе возможностей, словно от этого зависело не только чужое, но и их собственное будущее.

— Осталось десять секунд до конца цикла, — предупредила Анастасия.

— Лариса, приготовьтесь к смене на компрессиях.

— Две минуты прошло! Стоп компрессия, анализ ритма, смена! — скомандовал Сергеевич.

Пока Лариса заняла место у грудной клетки, доктор быстро вернул электроды в пазы аппарата. Затем он рванул на себя выдвижной ящик реанимационной тележки, выхватил катетер и ампулы с препаратами. Перетянув жгутом руку пострадавшего чуть выше локтя, точным движением ввёл катетер в вену.

— Набираю один миллиграмм адреналина ...и триста миллиграммов амиодарона! — громко объявил он для протокола.

— Лариса, колем! Подкожной арицтмы нет?

— Нет, грудная клетка цела! — отзывалась медсестра.

— Осталось десять секунд до конца двухминутного цикла. Лариса, приготовьтесь к смене.

Врач набрал лекарство в шприцы.

— Стоп компрессия! Все отошли. Раз, два, три — разряд!

Электроды вернулись на место. Доктор мгновенно подключил к катетеру сначала один шприц с адреналином, затем второй — с амиодароном. Как только поршни ушли до упора, Виктор Сергеевич бережно, но быстро приподнял руку мальчика вертикально вверх, чтобы препараты с током крови как можно скорее достигли сердца.

И случилось чудо. Спустя несколько мучительных секунд непрерывный губительный писк оборвался. Его сменило мерное, ритмичное и такое долгожданное «пик... пик...

пик...» кардиомонитора. Сердце забилося само. Борьба была выиграна.

Мигание аварийных ламп прекратилось. За окном больницы внезапно воцарилась тишина — словно страшной грозы, бушевавшей только что, никогда и не было. А где-то там, в мире высшей справедливости, все еще продолжался диалог спасенного отца и ангела.

— А можно вопрос?

— Единственное, что я могу сказать по поводу контракта: вам предстоит непримиримая борьба с человеческими пороками на протяжении всей жизни. От выполнения этих условий зависит то, где вы окажетесь потом — здесь или в совершенно ином месте.

— Я всё понял... Какая, кстати, красивая ручка была. Та, которой я подписал контракт.

— Мне она тоже нравится, — тонко улыбнулся собеседник. — Есть у нас один Мастер на все руки, прекрасные вещи делает. К великой моей радости, эта ручка останется при мне и мастер тоже.

Вдруг раздался тяжёлый, протяжный скрип. В дальнем конце зала медленно отворились массивные ворота. В образовавшемся проёме, ярко освещенном, откуда ни возьмись вышел Миша.

— Папа? А что мы здесь делаем? — удивленно спросил мальчик. — Где наша машина? Нас мама ждёт, пойдём!

Толя судорожно вытер остатки отцовских слёз. Внутри

него вспыхнуло чёткое осознание: нужно действовать быстро, пока они не передумали. Он не знал, что здесь, в мире чистоты и порядка, нет места обману и пустым словам, как это часто бывает у людей. Всё происходящее было серьезным — начиная от безупречной одежды таинственного незнакомца и заканчивая этим величественным, совершенным в своей красоте залом.

— Миша, тихо, слови тишину, — шепнул Толя сыну, а затем повернулся к ангелу: — Я извиняюсь. А как нам пройти отсюда к дому?

— Ах да, я ведь Вам главного не сказал — где здесь выход. Выходите через те ворота, и вы увидите мост, в том направлении .

Отец и сын двинулись в заданном направлении. По пути к выходу Толя крепко до боли в суставах сжал ладонь сына. И кованые ворота открылись. Но едва они пересекли черту, как реальность вокруг них резко и безжалостно раскололась надвое.

Ладонь Миши выскользнула из пальцев отца. Мальчика словно подхватил невидимый, мягкий поток теплого света и увлёк за собой, растворяя его силуэт в сияющей белизне. Толя рванулся было вслед за сыном, но его ноги будто приросли к полу. Ворота за спиной Миши захлопнулись, отрезав свет.

Толя остался один в странном, жутком пространстве, где не существовало ни верха, ни низа, ни стен. Вокруг рассти-

лалась бесконечная, густая серая дымка, похожая на застывший туман. Время здесь остановилось, и воцарилась абсолютная, звенящая тишина.

В этом промежуточном чистилище туман начал медленно проникать внутрь него, заполняя мысли. Толя почувствовал странную, непреодолимую сонливость. Яркие, чёткие образы странного зала, кованых ворот, незнакомого мужчины в бирюзовом костюме и даже белой ручки из кости мамонта начали стремительно блекнуть, словно краски под проливным дождем.

Серые дымки вокруг закружились в бешеном вихре, превращаясь в плотную, удушливую черноту. Пространство буквально вытолкнуло его назад, в мир живых.

Вспышка, и легкие обожгло резким, ледяным воздухом. Толя судорожно втянул в себя кислород, издав хриплый, похожий на стон звук. Воспоминания о бирюзовом костюме, пустом листе и странном зале исчезли, словно их и не было. В голове набатом стучала одна-единственная, дикая мысль: «Где Миша?!»

Он лежал на жёсткой больничной койке. Вокруг пищали приборы, пахло спиртом и какими-то медикаментами, катетерами, а в носу пекло от многочисленных трубок. Но сына рядом не было. Вокруг высились лишь белые ширмы и медицинская аппаратура.

Острая игла

Открыв глаза, Толя тщетно пытался собрать воедино мысли. Ощущения в теле были не из лучших: всё нещадно болело, словно его избили десять человек бейсбольными битами, а голова готова была лопнуть, как праздничный шарик, проколотый острой иглой.

Осматривая палату медленным, мутным взглядом, Толя зацепился фокусом за расплывавшийся силуэт женщины. И тут же понял — это она, Катя. Единственная и неповторимая любовь его детства и неопытной юности. В те далёкие годы он был совсем мальчишкой и ничего не знал о женщинах. В силу этой наивности он даже не догадывался, как искусно они умеют расставлять свои невидимые сети. Ведь Катя была старше Толи на девять лет, он всегда тайне будучи подростком мечтал о ней, и даже загадал одно единственное желание, чтобы Катя была его женой. И мечта сбылась, в возрасте двадцати трех лет он встретил её совершенно случайно, когда Катя искала своего вылетевшего из клетки краснохвостого жако — Миню. И с тех пор их союз стал неразлучен.

Порой мужчины, и уж тем более молодые парни без жизненного опыта, сами того не ведая, попадают в эту ловушку судьбы на года, а кто-то на всю жизнь обрекает себя быть безвольными зверями в руках дрессировщика с кнутом. И если этот необузданный зверь продолжает гнуть свою линию, такому союзу приходит конец. Только пройдя через это, мужчина получает иммунитет, способный спасти его от повторного попадания в этот жизненный переплёт.

Но Толя знал и другое: жизненная энергия женщины гораздо сильнее мужской. Подтверждение этому он не раз видел в собственной семье. В самые трудные, кризисные минуты его мать проявляла поразительное мужество — в то время как отец предпочитал решать проблемы с помощью стакана, пытаясь забыться и оградить себя от внешнего мира, полного лжи, фальши, тяжёлой работы и вечных разочарований. Часть этой мощной женской энергии Катя, как и большинство спутниц по жизни, тратила на нормальное существование в этом мире, а часть уходила на постоянное, порой бытовое возмущение по любому поводу. Толя чисто мысленно сравнивал этот союз с принципом пальчиковой батарейки «Toshiba»: для нормальной работы отрицательно заряженным частицам необходимо сойтись с положительными — только тогда вырабатывается энергия, способная двигать жизнь вперёд.

И действительно, Катя была ценнейшим сокровищем в его жизни. Природа наградила её идеальными чертами, которые не нужно было часами улучшать у зеркала. Высокая с чёрными, слегка выющимися волосами, опускавшимися ниже плеч и ухоженным телом с нотками легкой полноты. Зеленые глаза с тонким отражением проволоки завораживали, а аккуратный носик кнопкой был точной копией Мышиного носа. Утонченные, чувственные губы с чуть опущенными уголками придавали её лицу особый шарм. Ресницы были настолько длинными и густыми, будто принадлежали пре-

красной иконе, а не человеку — женщине! Мужчины восхищались ею, боялись её и впадали в трепет от этой чистой женственности, в которой не было и намека на развратную похоть.

Посмотрев на нее несколько секунд, Толя увидел, как из её глаз текут слёзы, а на лице отражаются растерянность и отчаяние.

Первые слова, которые он смог из себя выдать, были хриплыми:

— Где Миша?.. Что с ним?..

Последовала долгая, мучительная пауза. Толя ждал ответа, словно подсудимый, которому судья вот-вот должен огласить приговор высшей меры наказания.

— Тихо, тихо, Толенька, не дергайся, тебе нельзя... — наконец раздался её родной и до боли знакомый голос.

Катя судорожно вцепилась в его холодную ладонь, согревая её своим дыханием.

— Миша в реанимации, в соседней палате. Он в тяжёлом состоянии, но врачи говорят, что им удалось его спасти. Самая страшная опасность, угрожавшая его жизни, уже позади. Нужно только ждать.

Услышав это, Толя закрыл глаза. Из-под ресниц покатилась горячая слеза. Тело обмякло от лавинообразного, оглушительного облегчения. Он почувствовал, как сквозь его пальцы разливается тепло её нежной руки.

— Слава Богу, — прошептал он. — Господи, Катя... Про-

сти меня. Это я виноват. Если бы я тогда не...